

Много лет назад один человек дал шанс неизвестному писателю с его первым фэнтезийным романом — романом, который до того безуспешно прошел несколько кругов издательств. Без этого человека, без его веры и без его многолетней непоколебимой преданности моему громадному предприятию не было бы никакой «Малазанской книги павших». Мне необычайно повезло работать с одним редактором от начала до конца, и я смиренно посвящаю «Увечного бога» моему редактору и другу Саймону Тейлору.

БЛАГОДАРНОСТИ

Моя глубочайшая благодарность следующим людям. Бета-ридерам за своевременные комментарии по рукописи, которую я навязывал им почти без предупреждения и, наверное, в неподходящее время: А. П. Канаван, Уильям Хантер, Хэзел Хантер, Бария Ахмед и Боуэн Томас-Лундин. И сотрудникам гостиницы «Норвей» в Перранарвортале, кофейен «Манго танго» и «Коста кофе» в Фалмуте, которые принимали участие в создании этого романа по-своему.

А также спасибо от всей души моим читателям, которые (я надеюсь) вместе со мной дошли до десятого и последнего романа «Малазанской книги павших». Я наслаждался нашей продолжительной беседой. Что такое три с половиной миллиона слов между друзьями?

Тот же вопрос я мог бы задать и моим издателям. Спасибо вам за терпение и поддержку. С буйным зверем покончено, и я слышу ваш вздох облегчения.

И наконец, любовь и признательность моей жене, Клэр Томас, которая вынесла суровое испытание не только романом, но и всем, что ему предшествовало. Кажется, твоя мама предупреждала, что выйти замуж за писателя — рискованное предприятие...

KOLANSE

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В дополнение к появившимся в «Пыли грез».

МАЛАЗАНЦЫ

Химбл Фруп	Вертун
сержант Суровый Глаз	Печалька
капрал Ребро	Фитиль

ВОЙСКО

Ганос Паран, Первый Кулак и Господин Колоды	Ормулогун, императорский художник
Высший маг Ното Бойл	вождь Маток
всадник Хурлокель	телохранитель Т'морол
Кулак Рита Буд	Гамбл
капитан Речушка	

ХУНДРИЛЫ

Джастара, вдова

ШАЙХИ

сержант Челлос	Шарл
капрал Найд	

Г'ЛАН ИМАССЫ: РАЗВЯЗАННЫЕ

Уругал Сплетенный	Кальб Бесшумный Охотник
Тэник Разбитый	Халад Великан
Берк Тихий Глас	

ТИСТЕ АНДИ

Нимандр Голит	Десра
Спиннок Дюрав	Датенар Фандорис
Корлат	Празек Гоул
Клещик	Ненанда

ЯГУТЫ: ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Гатрас	Сувалас
Санад	Айманан
Варандас	Худ
Хаут	

ФОРКРУЛ АССЕЙЛЫ: ЗАКОННЫЕ ИНКВИЗИТОРЫ

Преподобная	Небесный
Безмятежный	Тишь
Доля	Скрытница
Мирный	Воля
Усерд	Серьез
Покорный	

ВОДЯНИСТЫЕ: НИЗШИЕ АССЕЙЛЫ

Амисс	Кессган
Экзигент	Триссин
Хестанд	Мелест
Фестиан	Хагграф

ТИСТЕ ЛИОСАН

Кадагар Фант	Гаэлар Тро
Апарал Форж	Эльдат Прессен
Ипарт Эрул	

ДРУГИЕ

Абси	Апсал'ара
Спултата	Тулас Остриженный
К'рул	Д'рек
Каминсод	Гиллимада
Мунуг	Корабас
Силана	

КНИГА ПЕРВАЯ

«ОН БЫЛ СОЛДАТОМ»

Я известен
в религии гнева.
Поклоняйся мне, как озеру
крови в твоих ладонях.
Выпей меня до дна.
Горькая ярость
кипит и пылает.
У тебя были маленькие ножи,
но их было много.

Я получил имя
в религии гнева.
Поклоняйся мне
грубыми ранами
и после моей смерти.
Это песнь о грезах,
рассыпавшихся в пепел.
Твои бескрайние желания
теперь пусты.

Я утонул
в религии гнева.
Поклоняйся мне
до смерти
и до груды костей.
Самая чистая книга –
та, которую не открывали.
Не осталось невыполненных желаний
в холодный святой день.

Я найден
в религии гнева.
Поклоняйся мне
в потоке проклятий.
Этот дурак верил
и плакал во сне.
Но мы идем по пустыне,
сотрясаемой обвинениями,
где никто не голодает
с ненавистью в костях.

*«Ночь поэта» LIV
«Малазанская книга павших»
Рыбак кель Там*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Если ты не знал
миры в моем мозгу,
твое чувство потери
будет жалким
и мы забудем все по пути.
Бери, что дают,
и отверни кислое лицо.
Я его не заслужил,
как бы ни был узок
твой личный берег.
Если сумеешь,
я взгляну в твои глаза.
Пучку стрел в руке
я не верю,
Склоняясь перед улыбкой, закрывающей путь.
Мы не встречаемся в горе
Или в шраме,
затягивающем раны.
Мы не танцевали вместе
на тонком льду,
и я сочувствую твоим бедам
без задней мысли
о взаимности или расчете.
Просто так прилично.
Даже если для других
это странно.
Но многих тайн
ты не узнаешь,
И я не передумаю.
Все мои стрелы погребены, и
песчаный предел широк,
и все мое остывает
на алтаре.
Даже капель не осталось;
дитя желаний
с разумом, полным миров,
и кровавыми слезами.
Как ненавистны дни, когда я ощущаю смертность.

Дни в моих мирах,
где я вечен,
и если когда-то наступит рассвет,
я увижу его,
словно возрожденный.

«Ночь поэта» III.IV
«Малазанская книга навших»
Рыбак кель Там

Котильон достал два кинжала и взгляделся в лезвия. Поверхность черненого железа словно струилась: две оловянных реки текли, цепляясь за сколы и выемки, там, где образовались зазубрины от брони и кости. Котильон присмотрелся к отражению бледного больного неба на лезвиях и сказал:

— И не собираюсь ничего объяснять. — Он поднял строгий взгляд. — Ты меня понимаешь?

Фигура, стоящая перед ним, не шевелилась. Ключья сгнивших сухожилий и полоски кожи неподвижно лежали на костях. В глазах царила пустота.

Что ж, решил Котильон, это лучше, чем бессильный скептицизм. Ох, как он уже надоел.

— Скажи мне, что, по-твоему, ты здесь видишь? Отчаяние? Панику? Упадок воли, неизбежно ведущий к бездействию? Ты веришь в будущее, Идущий по Граням?

Призрак какое-то время молчал, а потом заговорил треснувшим, скрежещущим голосом:

— Нельзя быть таким... опрометчивым.

— Я спросил, веришь ли ты в будущее. Потому что сам я не верю.

— Даже если ты преуспеешь, Котильон. Вопреки всем ожиданиям, даже вопреки всем *устремлениям*. Все равно будут говорить о твоей неудаче.

Котильон убрал кинжалы в ножны.

— И ты знаешь, что они могут с тобой сделать.

Голова склонилась набок, пряди волос развевались на ветру.

— Заносчивость?

— Знание, — отрезал Котильон. — Сомневайся, сколько хочешь.

— Они не поверят тебе.

— Не важно, Идущий по Граням. Вот в чем дело.

Когда он зашагал вперед, то не удивился, что бессмертный страж последовал за ним. *Так было и раньше.* Каждый шаг вздымал пыль и пепел. Ветер стонал, словно запертый в усыпальнице.

— Почти пора, Идущий по Граням.

— Знаю. Тебе не победить.

Котильон, наполовину обернувшись, помолчал, а затем устало улыбнулся.

— Но это же не значит, что я обязательно проиграю, так ведь?

За ее спиной поднималась столбами пыль. С плеч свисали десятки жутких цепей: кости, согнутые и закрученные в кривые звенья, древние кости разного цвета — от белого до темно-бурого. В каждой цепи — десятки чых-то уродливых черепов с остатками волос, слипшихся хребтов, длинных костей, стучащих друг о друга. Цепи тянулись за ней наследием тирана, оставляя в высохшей земле путаницу борозд.

Она шла, не снижая скорости, неуклонная, как ползущее к горизонту солнце, и безжалостная, как накрывающая ее тьма. Ей были неведомы ирония и горькая язвительная насмешка, жалящая небо. Ею двигала только необходимость — самый алчный бог. Она знавала темницу. Воспоминания были жестокими — не о стенах склепа и темных могилах, а о давлении. Ужасном, непереносимом давлении.

Безумие — демон, живущий в мире беспомощной нужды, тысяч неисполненных желаний, мире без ответов. Безумие — да, этот демон был ей известен. Они обменивались монетами боли, и монеты поступали из неисчерпаемого хранилища. Когда-то она знала такое богатство.

И тьма все еще преследовала ее.

Она шла — лысая башка обтянута кожей оттенка выцветшего папируса, длинные конечности двигаются с неверо-